

Вместе с тем применительно к наследию традиционной культуры реконструкция может выполнять функцию демонстрации ее привлекательного зрительного образа, воплощенного в целостных хозяйственно-бытовых, ремесленных, костюмных и прочих комплексах, в которых она заменяет подлинники, отсутствующие или не имеющие экспозиционного вида.

Во всех возможных вариантах привлечения реконструкций к тем или иным формам музейной деятельности обязательным требованием является их достоверность, которая обеспечивается прочной опорой на источники, которыми могут быть материалы полевых этнографических исследований и фондовые собрания музеев.

Источники и литература

1. Кумпан Е. В., Камалетдинова А. И. Реконструкция, как основной метод воссоздания исторического национального костюма // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 13. С. 143–145.
2. Историческая реконструкция (Быков Александр, заметки) // «Золотые леса», творческий клуб [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldenforests.ru/library/misc/bykov_rekonstrukciya.html (дата обращения: 20.09.2020).
3. Павлова С. В., Батуева О. И., Баймеева Е. И. Некоторые аспекты использования метода реконструкции в изучении народного костюма // Технические науки в России и за рубежом: материалы VII Междунар. науч. конф. Москва : Изд. дом «Буки-Веди», 2017. С. 126–128.
4. Бердник Т. О., Евсеева Е. А. Значение реставрации и реконструкции объектов материальной культуры в сохранении исторического наследия. Типология, методы реконструкции и реставрации // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам VI междунар. заоч. науч.-практ. конф. № 4(6). Москва : МЦНО, 2017. С. 5–11.
5. Реставрация музейной керамики. Методические рекомендации / Л. Н. Андреева А. С. Антонян, Т. И. Барбанова [и др.] / под общ. ред. Л. Н. Андреевой. Москва : ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря, 1999. 144 с. // АРТконсервация, мастерская [Электронный ресурс]. URL: <http://art-con.ru/node/232> (дата обращения: 20.09.2020).
6. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М.: Изд-во «ВК», 2003. 614 с. // Файловый архив для студентов [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/6188142/> (дата обращения: 20.09.2020).

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-335-341

О. С. Мамонтова

Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул, Российская Федерация

Музейная коллекция как источник по изучению обрабатывающих промыслов русского населения Алтая

Аннотация. В статье представлена краткая характеристика этнографической коллекции и фотоколлекции Алтайского государственного краеведческого музея по истории развития обрабатывающих промыслов русского населения Алтая. Вводятся в научный оборот музейные материалы по различным формам пимокатного, кожевенного, овчинного производства. Приводится общая информация об их состоянии в первой половине XX в. **Ключевые слова:** Алтай, русские, обрабатывающие промыслы, музейная коллекция, этнографический предмет, фотография.

Обрабатывающие промыслы русских как тема научных интересов на протяжении длительного времени привлекают к себе внимание этнографов, историков, экономистов. Для изучения процессов их формирования и развития используются различные источники и междисциплинарные подходы. В настоящее время в этнографической литературе промыслы рассматриваются в качестве кластеров локальных этнографических групп; как система факторов обеспечивающих жизнедеятельность этноса, его воспроизводство и саморегуляцию через предметы и вещи хозяйственно-бытового назначения; как мелкое се-

мейное производство товаров на сбыт. Обращается внимание на их особенности в полиэтнических регионах [1–3].

Источниковая база подобных исследований, помимо письменных, устных, включает в себя визуальные и вещественные источники, одними из крупнейших держателей которых выступают музеи. Особой категорией музейного предмета является этнографический предмет. Представляя собой часть какого-либо этноса, он содержит информацию о нем, его культуре, быте, религиозных представлениях, основных занятиях, уровне развития обрабатывающих

промыслах. Для включения предмета в музейное этнографическое собрание требуется оценить, насколько он традиционен. Проводя научную атрибуцию предмета, сотрудник музея определяет аутентичность используемых материалов, техник его изготовления, форм, декора, бытования. «В процессе тщательного и всестороннего исследования предмета, включения его в музейное собрание, а также в результате использования в музейной экспозиции происходит раскрытие его информационного потенциала и выяснение его значения как факта традиционной культуры. Значимость музейного предмета определяется его основными свойствами (информативность, репрезентативность, экспрессивность) и степенью реализации его функций (научно-информативная, моделирования действительности, коммуникативная)» [4, с. 329]. В связи с этим этнографический предмет и этнографические музейные коллекции — один из важнейших вещественных источников для изучения традиционно-бытовой культуры.

Коллекции региональных музеев обладают некоторыми особенностями. В этих коллекциях представлены этнографические памятники, характеризующие не только общие явления культуры того или иного этноса, но и отдельные региональные группы. Таким образом, на их основе может быть прослежена вариативность, присущая явлениям традиционно-бытовой культуры, что особенно важно для изучения такого этноса как русские [5, с. 3].

К визуальным источникам, хранящимся в музеях, относятся фотографии. Введение в научный оборот малоизученных музейных фотоматериалов помогает расширить эмпирические основы исследования. Но использование данного вида источника при этнографическом изучении явлений традиционной культуры вызывает ряд вопросов. Во-первых, что может считаться этнографическим визуальным источником? К сожалению, «процесс выработки универсального определения предмета и объекта этнографического визуального источника не завершен. Имеющиеся определения неполны, появляется множество исключений» [6, с. 10]. Во-вторых, насколько информативен и независим для науки фотисточник? Описание фотоматериала является также отдельной и сложной проблемой. В связи с этим, в настоящее время каждый автор интерпретирует его в зависимости от целей и задач своего исследования.

Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ) является хранителем вещественных и визуальных источников, которые используются исследователями в процессе изучения культуры различных групп русского населения Алтая, в частности одной из ее составляющих — обрабатывающих промыслов и производств. В собрании музея хранятся орудия труда по обработке волокнистых растений и ткачеству, обработке дерева, металла, кожи, шерсти, а также изделия из этих материалов. Экспонаты датируются 1880 — началом 2000-х гг. Фотоколлекция АГКМ иллюстрирует историю развития производств на территории региона на протяже-

нии XX в. и позволяет проследить трансформацию технико-технологических традиций некоторых форм обрабатывающих промыслов и производств, гендерный состав работников, изменения условий труда под влияние исторических, политических, экономических факторов. Снимки представляют так называемый «сопутствующий материал, содержащий интересный сюжет, который можно рассматривать с точки зрения этнографической информации, при том, что цель их создания была иной» [7, с. 38].

Одними из самых распространенных обрабатывающих промыслов и производств на Алтае в первой половине XX в. являлись кожевенный, пимокатный и овчинный, что было связано с наличием сырьевой базы, рынков сбыта, притоком переселенцев в первой четверти XX в., событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В различные периоды на территории региона эти промыслы и производства имели несколько форм: домашнюю, ремесленную, кустарную, форму смешанной мануфактуры, промыслово-артельного производства, товарного производства централизованной экономики (местная промышленность по производству товаров широко потребления). По статистическим данным, в 1915 г. в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах в 165 селениях 271 семья занималась обработкой кож, в 277 населенных пунктах 482 семьи выделяли овчины, в 331 селении 932 семьи катали валяную обувь [8, с. 79–81, 86–87, 91–94]. Перепись предприятий мелкой промышленности в 1930 г. отмечала «гнездующий» характер распространения обрабатывающих промыслов и производств. Выделялись пимокатные центры в Волчихинском, Родинском, Павловском, Локтевском, Ельцовском, Тогуйском, Крутихинском и Мамонтовском районах. Выделкой кож и овчин занимались в Павловском и Михайловском районах [9, с. 386–387].

Как видно из приведенных выше данных, среди промыслов и производств по обработке животных материалов лидирующее место по распространению занимало пимокатное производство, которое в различных населенных пунктах Алтая как существовало «изстари», так и зародилось благодаря переселенцам из европейской части России. Как правило, в пимокатных заведениях оказывали услуги по битью шерсти или же шерстобитчики соседствовали с пимокатами. Так, в 1907 г. в д. Маношкиной находился довольно значительный центр шерстобитно-пимокатного производства, на котором было занято до 40 человек. Подобные центры располагались в с. Усть-Ануйское и Жилино [10, с. 48, 494–495]. В 1915 г. изготовлением валяной обуви занималось 1485 мужчин, 823 женщины, 862 подростка обоего пола [8, с. 74–65]. Они работали как на собственном, так и на давальческом сырье. В гг. Барнауле и Бийске существовали фирмы, которые сдавали пимокатам на дом шерсть и получали от них готовую валяную обувь [9, с. 383]. Мастера в осенне-зимний период выделяли пимы, пимные калоши, кошмы, чулки, чесанки, бурки. Рынки сбыта находились как в местах прожи-

Рис. 1. Пимокаты за работой. г. Барнаул. Начало XX в. АГКМ НВФ 527

вания пимокатов, так и в пределах волостей, уездов, губернии. Продукция реализовывалась в гг. Барнаул, Ново-Николаевск, Семипалатинск, Бийск, с. Камень, Берское, Залесово, Сорокино, Сузун, Анисимово, Локоть, Зырянское, Алтайское, Усть-Чарышская Пристань. Средний заработок в Барнаульском уезде составлял 268 руб., в Змеиногорском – 113 руб., в Бийском – 167 руб. Прибыль крупных барнаульских пимокатов варьировалась от 900 до 2400 рублей [11, л. 51, 52–52 об., 189, 190–190 об.].

В сельской местности помещение мастерской, как правило, представляло собой бревенчатую постройку с полом и потолком из плах. По площади оно могло достигать 42 м² [12, л. 69 об.–70, 78 об.–79]. Городские пимокатные и шерстобитные заведения в санитарном отношении имели ряд проблем. Условия труда барнаульских пимокатов иллюстрирует негатив из собрания АГКМ, на котором изображен интерьер мастерской начала XX в. (рис. 1). Оно представляло собой деревянное помещение с полом из плах, освещаемое керосиновой лампой. Буквой «Г» вдоль стен располагался верстак, на котором пимокаты проводили закладку шерсти. В огромных плетеных коробах находилось сырье. Из-за влажности и высоких температур в помещении пимокаты одеты лишь в укороченные холщовые штаны.

В большинстве своем труд в пимокатном, шерстобитном промыслах и на производствах долгое время оставался ручным. В начале XX в. начинается постепенная модернизация технико-технологического процесса. Так, в 1907 г. в с. Жуланиха одна из шерстобиток была оснащена шерстобитной машиной [10,

с. 485]. В 1914 г. в барнаульских заведениях применялись конная тяга, паровые и нефтяные двигатели. Но даже при наличии нового оборудования санитарные нормы оставляли желать лучшего. Так, в 1917 г. комиссия Барнаульского городского народного собрания провела осмотр предполагаемого к запуску шерсточесального заведения Черкашина, находящегося в доме А. П. Бухалова по Сузунской улице г. Барнаула. Члены комиссии выявили, что в помещении был деревянный потолок, обитый железом. На плахах, перекрывающих окна и двери обивка отсутствовала. Шерстобитный и три шерсточесальных станка были расположены в одной комнате деревянного одноэтажного здания. Шерстобитный станок, дающий большое количество пыли во время работы, был покрыт деревянным чехлом, который имел массу щелей и дыр и не защищал работников в процессе производства. Комиссия, осознавая необходимость обработки шерсти, шедшей на выделку валяной обуви, постановила разрешить временное открытие шерсточесального заведения Черкашина до 1 мая 1918 г. При этом требовалось плотно заделать все щели в деревянном чехле станка, а также в двух оконных проемах и двери. В помещении, где размещался двигатель, требовалось обить железом оконные перекрытия и двери [13, л. 1–1 об.].

В 1920–1930-х гг. государство приступило к кооперированию пимокатов, организации артелей, заводов. В районных центрах при промкомбинатах мастерских объединяли в пимокатные цеха. Одним из крупных предприятий в крае, возникших в этот период, был Барнаульский пимокатный завод. На заво-

де, созданном в декабре 1923 г., работал 91 человек, в 1929 г. – 700. Выпуск продукции постоянно рос. Так, в 1924 г. было изготовлено 55 000 пар валенок, а в 1932 г. – 540 000 пар [14, с. 111]. Несмотря на попытки механизации трудовых процессов, стремление улучшить условия труда рабочих, существовал ряд недостатков. Так, в 1928 г. комиссия Барнаульского окружного исполнительного комитета произвела осмотр пимокатного завода «Алтаймехтреста» на предмет выявления технических недостатков в производстве. В ходе осмотра были выявлены проблемы в работе парового котла; в сушильные камеры поступает воздух, насыщенный влагой, и происходит неправильная циркуляция воздуха; в стиральном цехе под влиянием сырости и кислот происходит разрушение стен, деревянный потолок покрыт плесенью и каплями воды; стиральные машины находятся в неудовлетворительном состоянии [15, л. 72–75].

Состояние помещений и трудовой процесс на заводе иллюстрирует комплекс фотографий из собрания АГКМ. В 1920-х гг. в музее формировался промышленный отдел, который должен был комплектовать материалы, отражающие историю развития промышленных предприятий Алтая. В результате в 1929 г. директором пимокатного и овчино-шубного заводов «Алтаймехтреста» в фонды были переданы 23 черно-белые фотографии (АГКМ ОФ 2935–2958). Еще пять снимков было выполнено заведующим музейной фотолабораторией краеведом П. А. Казанским (АГКМ ОФ 1124, 1127, 1130–1131, 1153). В обязанности Порфирия Алексеевича входила фотосъемка предприятий края для промышленного отдела Барнаульского музея. При поддержке директора завода в августе 1931 г. он провел съемку машин, приспособлений и рабочих процессов, «призванных показать модернизацию пимокатного производства»: закладку шерсти и вывертку валенок на механических рубелях, стирку пимов на машине системы Романенко, загрузку паровой сушилки, калориферную установку для сушки, механическую чистку с вентиляционной установкой, работу на выхлопной машине. Несмотря на процесс модернизации производства, на снимках нашел отражение и ручной труд с традиционным инструментом, который использовался на различных этапах производства: закладка и вывертка валенок, ручная стирка, чистка и выхлоп изделий деревянными рубелями [14, с. 111]. На фотографиях показана территория завода, на которой, помимо основного кирпичного производственного двухэтажного помещением с одноэтажными пристройками, располагались деревянные одноэтажные постройки (склады, цех ручной выхлопа). В цехах имелись большие окна, электрическое освещение. В цехе ручной формовки и стиральном цехе из-за влажности и высокой температуры пимокаты работали в штанах и фартуках. В закладочном цехе, на центрифугах по обжимке и машинах для вытягивания пимов, применялся женский труд.

В 1920-х гг. параллельно с артельным, заводским производством продолжало существовать домаш-

нее, ремесленное и кустарное. Так, в 1923–1925 гг. в Барнаульском округе обработкой шерсти занималось 127 семей, в г. Барнауле – 18 семей. Сельские пимокаты получали сырье, топливо и воду от заказчика. Работали зачастую в помещении заказчика, обычно в бане. Городские пимокаты, в особенности члены кооперативов, работали в специализированных помещениях и катали пимы из покупаемой ими же шерсти [16, л. 53, 62–63]. В 1930–1940-х гг. на пимокатное и шерстобитное производство в сельской местности оказали влияние прежде всего социально-экономические преобразования (раскулачивание, Великая Отечественная война). Пимокатный промысел адаптировался к новым условиям. К традиционным мужским промыслам были вынуждены подключиться женщины [17, с. 439]. Если ранее они лишь помогали мужчинам на различных этапах работы, то теперь им пришлось заменить их на всех стадиях производства, так как пожилые мастера были не в состоянии и удовлетворять нужды односельчан, и выполнять заказы для фронта.

Домашняя, ремесленная и промыслово-артельная формы пимокатного промысла просуществовала вплоть до начала 2000-х гг. Об этом свидетельствуют материалы этнографической коллекции АГКМ, которая включает в себя 83 орудия труда пимоката. Комплекс начал формироваться в 1960-х гг. Экспонаты из Барнаула, Новоалтайска, Зонального, Ельцовского, Каменского, Краснощековского, Залесовского, Заринского районов датируются ХХ – началом ХХI в. и включают в себя шерстобитный лучок, прутки, битки, колодки, деревянные и железные рубеля, вальки, весы для взвешивания шерсти с фунтовыми гирьками (АГКМ ОФ 10238, 10606, 12462, 15047/19, 18164/7, 18164/15-21, 18527/4, 19277/1-29). У датчиков сохранялись отдельные части пимокатного комплекса. Наиболее полный набор был передан А. И. Елесиным, жителем Ельцовского района, потомственным пимокатом из семьи костромских переселенцев. Орудиями труда пользовались как мужчины, так и женщины. Катали пимы в 1920-х, 1950-х, 1970-х – начале 2000-х гг. для себя и по заказу односельчан, а также в годы Великой Отечественной войны для отправки на фронт. Среди экспонатов выделяется деревянный рубель из с. Новошипуново Краснощековского района, состоящий из нескольких деревянных блоков и достигающий в длину 120 см. Вероятно, он мог использоваться пимокатами в специализированном помещении артели. Аналогов ему на территории Алтайского края пока нами выявлено не было.

Кожевенный и овчинный промыслы и производства очень часто соседствовали друг с другом. В Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах в 1915 г. выделкой кож занималось 511 мужчин, 295 женщин и 316 подростков обоего пола. В овчинное производство было вовлечено 789 мужчин, 475 женщин, 492 подростка. На городских заводах труд женщин мог использоваться сезонно. Так, на кожевенном предприятии слободского мещанина Вят-

Рис. 2. Ручная выделка кож. г. Барнаул. Начало XX в. АГКМ НВФ 525.

Рис. 3. Обезжиривание овчины глиной. г. Барнаул. Начало XX в. АГКМ. НВФ 526.

Рис. 4. Крюки для выделки шкур. АГКМ. ОФ 12509, 19277.

ской губернии И. Д. Лалетина под Малым Гляденем в апреле–мае во время промывки шерсти нанимали до 60 женщин-поденщиц.

Если кожевенные заведения чаще всего работали круглогодично, то обработка овчин считалась «зимним» промыслом. Кожевники вырабатывали так называемый «сапожный товар» – выросток (кожа телят до года, перешедших на растительный корм), коневую, опойковую (кожа телят до 6 месяцев, находящихся на грудном вскармливании) и подошвенную кожу, а также гамбургский товар (сорт кожи, выделанной из крестца лошадиной шкуры краснотубным способом). Рынками сбыта служили населенные пункты и волости мастеров, а также соседние города, села, уезды: города Барнаул, Ново-Николаевск, Семипалатинск, Бийск, села Залесово, Сузун, Камень, Локоть, Зыряновское, Алтайское, Черный Ануй, Усть-Каменогорское, Маслянино, Берское. Например, мастера д. Южакова выделывали в год около 4000 кож, которые продавали в Барнаул и Бийск по 6–8 руб. За выделку на заказ брали от 60 до 80 коп. Овчинники п. Чудотвориха работали сдельно в г. Барнауле и предлагали свои услуги жителям соседних деревень.

Средний заработок кожевника на семью в год варьировался от 638 до 1244 руб., у овчинников сумма была ниже – от 156 до 236 руб. [8, с. 29–30, 60–62, 68–69, 86–87; 10, с. 483, 485, 497]. Прибыль городских кожевенных и овчинных заводов были выше – от 2000 до 7000 [18, л. 332–332 об., 771–771 об.].

Как и в большинстве обрабатывающих промыслов, у кожевников и овчинников рабочие процессы на протяжении длительного времени выполнялись вручную. Кожевенные заводы в сельской местности представляли собой бревенчатое помещение, построенное в паз, с полом и потолком из плах. Крыша была крыта соломой или вообще отсутствовала. Площадь помещения колебалась от 41 до 133 м². В нем размещались чаны, верстак, дубильни, зольники, кисельники. На прилегающей территории устанавливали толчеи для дуба с колесом и пестом, избу для дымления кож или отдельно для кож с верстаком [12, л. 77 об. – 85]. В издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» содержится краткая информация о кожевенных заводах г. Барнаула, которые располагались в 2–5 верстах от города по течению р. Обь. В нем указыва-

лось, что здания кожевен были деревянные, «выстроенные безо всяких соображений с фабричной гигиеной, не имеющие вентиляции» [10, с. 483]. На негативах музейной коллекции запечатлены барнаульские мастерские овчинников и кожевников начала XX в. Видно, что выделка кож производится в деревянном помещении с окном и полом из плах. Для освещения служит керосиновая лампа. Вдоль стен установлены лавки, на которых лежат инструменты. Трое мужчин в фартуках снимают мездру с кожи на деревянных колодах при помощи изогнутого ножа – «мездрыка» (рис. 2). Аналогичные условия работы можно видеть у овчинников. На негативе запечатлены три мастера, проводящие обезжиривание овчины глиной. Здесь же в помещении установлена емкость, в которой в квасах лежат шкуры (рис. 3).

Постепенно в производственный процесс стали внедрять сначала конные приводы, а затем паровой двигатель. Владельцы крупных заведений начали строить каменные здания. В собрании АГКМ хранится фотография первой четверти XX в., на которой изображено одно из старейших кожевенных предприятий Алтайского округа – Барнаульский кожевенный завод № 2, основанный в 1893 г. барнаульским купцом П. Д. Суховым (АГКМ ОФ 13990/9). На фотографии запечатлены кирпичные помещения предприятия. Завод выпускал обувную юфть и сыромять. В 1913 г. на кожевенном заводе П. Д. Сухова работало 15–30 человек. Производство было ручным с применением конной тяги. В 1920 г. оно было национализировано.

В коллекции музея хранится комплекс фотографий Барнаульского овчинно-шубного завода, выполненных в 1931 г. П. А. Казанским для отдела промышленности музея (АГКМ ОФ 913, 1573–1586). Завод был создан в августе 1917 г. решением собрания артезианцев и был национализирован в 1920 г. Предприятие работало на давальческом сырье и осуществляло выделку овчин, пошив полушубков, шуб. В годы Великой Отечественной войны завод выпускал армейские бекешки. После войны производил шубную овчину и шубные изделия гражданского назначения. На снимках нашли отражение как внедряемое новое оборудование, так и ручной труд с использованием традиционных орудий труда и традиционных технико-технологических практик. Среди новшеств можно отметить мездрильную машину, пикелевочный барабан и вращающий его мотор, воронежскую машину для тяги овчин, кулачную машину для подминки овчин, экстрактор для обезжиривания овчин бензином, пемзовальный мотор, дубильный барабан, шлихтовальную машину для тяги овчин. Традиционным оставались техника отмопки овчин в чанах, мездрение шкур литовками, обезжиривание шкур глиной, тяга овчин крюком.

Как и в случае с пимокатным промыслом, в 1920-х гг. в сельской местности параллельно с артельным производством продолжало существовать домашнее и ремесленное. По данным 1925 г. в Барнаульском округе (без учета г. Барнаула) обработкой

кож занималось 158 семей, а выделкой овчин – 185 [16, л. 57]. К отдельным производственным процессам активно подключались дети, например к толчению дуба [19, с. 82]. Под влиянием социально-экономических факторов в 1930–1940-х гг. произошла деформация технико-технологических традиций, что привело к повсеместному распространению среди русского сельского населения изготовления обуви из сырой кожи и появлению новации – замене кож домашних животных шкурами диких зверей [17, с. 439–441].

Комплекс вещественных экспонатов, связанных с кожевенным и овчинным промыслами и производствами, малочислен по сравнению с пимокатным. Он насчитывает всего 6 предметов (крюки, тисы, скребок), которые датируются 1916–1993 гг. (рис. 4). Инструменты использовались на таких стадиях мездрения, обезжиривания и разминки шкур. Предметы поступили в музей в 1960–2010-х гг. из г. Барнаула, Петропавловского, Троицкого, Ельцовского районов. Они характеризуют такие формы производства, как домашнее, промыслово-артельное, местная промышленность. Интересен крюк для разминки шкур, изготовленный в 1916 г. мастером-шубником, работавшим на Барнаульском овчинно-шубном заводе. Предмет передан дирекцией предприятия в 1967 г. (АГКМ ОФ 12509). Инструмент изготовлен вручную из корневища дерева, в естественную развилку которого вставлено заточенное металлическое полотно. Самый поздний экспонат датируется 1993 г. Поступил в 2012 г. в ходе историко-этнографической экспедиции в Ельцовский район. Пимокат А. И. Елсин изготовил крюк для разминки и чистки шкур для своей жены, которая разводила кроликов и выдывала кроличьи шкурки (АГКМ ОФ 19277). В состав комплекса входят деревянные тисы, которые обычно использовали шорники и скорняки для шитья шлей, сшивания шкур. Сдатчики дополнительно использовали их для натягивания шкур при мездрении.

Музейное собрание АГКМ имеет потенциал как источник по изучению обрабатывающих промыслов и производств русского населения Алтая. Нами еще не затрагивались такие виды музейных предметов, как документ, карта, книга. Несомненно, подобные источники имеют и ряд недостатков. Например, информация об их бытовании может быть зафиксирована частично либо вовсе отсутствовать. Несмотря на это, привлечение фондовых материалов АГКМ и дополнительно муниципальных музеев Алтайского края к исследованию данной темы позволит расширить географию распространения промыслов, познакомиться с технико-технологическими традициями через видовое разнообразие орудий труда.

O. S. Mamontova

Museum collection as a source on the study of processing industries of the Russian population of Altai

Annotation. The article presents a brief description of the ethnographic collection and photo collection of the Altai State Museum of Local Lore on the history of the development of

the processing industries of the Russian population of Altai. Museum materials on various forms of pimokat, leather, sheep-skin production are introduced into scientific circulation. Gen-

eral information about their condition in the first half of the 20th century is given. **Keywords:** *Altai, Russians, processing crafts, museum collection, ethnographic object, photography.*

Источники и литература

1. Верняев И. И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: хозяйство, социум, культура и идентичность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып 1. С. 47–84.
2. Лузгин А. С. Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: Этнокультурные аспекты : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002. 324 с. // disserCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/promyslovaya-deyatelnost-krestyan-mordovii-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-v-etnokulturnye> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Анисимова Е. Ю. Кустарные промыслы Симбирско-Ульяновского Поволжья конца XIX – второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 23 с.
4. Мастеница Е. Н. Информационный потенциал музейного предмета: этнокультурный аспект // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Рос. этногр. музея. Санкт-Петербург ; Кишинев: Nestor-Historia, 2002. С. 328–330.
5. Ивановская Н. И. Формирование этнографических коллекций в региональных музеях Северо-Запада Европейской России (середина XIX – 80-е годы XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1997. 26 с. // Человек и наука [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/formirovanie-etnograficheskikh-kollektsiyv-regionalnyh-muzeyah-severo-zapada-evropeyskoy-rossii-seredina-xix-80-egody-xx-#ixzz6XHd3YNGi> (дата обращения: 10.09.2020).
6. Толмачева Е. Б. Фотография как этнографический источник (по материалам фотоколлекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2011. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/doc/autoreferat_tolmacheva.pdf (дата обращения: 26.08.2020).
7. Толмачева Е. Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. Вып. 1 (1). С. 38–42 // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-izucheniya-fotografii-etnograficheskim-soderzhaniem/viewer> (дата обращения: 26.08.2020).
8. Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии / Томский губернский кустарный комитет. Томск: Типография В. М. Перельмана, 1915. – IV, 134, 193, [1] с.
9. Сибирская Советская Энциклопедия: в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского и др. Т. 3: Л–Н. 1932. 804 стб.
10. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Рус. геогр. о-ва; предисл.: Вениамин Семенов. Санкт-Петербург : А. Ф. Девриен, 1899–1914. Т. 16: Западная Сибирь: [Тобольская и Томская губ.] / сост. И. П. Толмачев, Г. М. Красных, А. Н. Седелников [и др.], 1907. VIII, 591 с.
11. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21.
12. ГААК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1.
13. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 173.
14. Мамонтова О. С. Пимокатное производство Алтая XX в. в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Труды Алтайского государственного краеведческого музея: Т. IV. Барнаул, 2013. С. 110–122.
15. ГААК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 224.
16. ГААК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 74.
17. Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.
18. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36.
19. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.